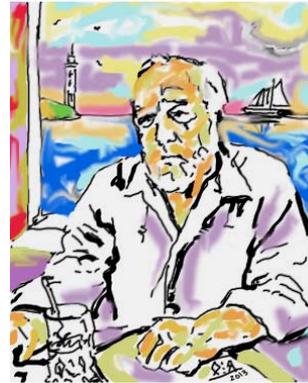

ПОВЕСТЬ

Наталья Квасникова
(г. Москва)

ОТ САТИРИКА СЛЫШУ!..
*Художественно-публицистическая повесть**

(Рисунок Олеси Янгол)

Наталья Квасникова — наш постоянный автор и зав. отделом публицистики и литературоведения «Приокских зорь», академик Академии российской литературы, член Творческого клуба «Московский Парнас», лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова за 2011-й год в жанре публицистики. Член Союза писателей России. Работает преподавателем физики. Живет в Москве.

ГЛАВА 1. СОЗЕРЦАТЕЛЬНО-УМОЗРИТЕЛЬНАЯ

— О-о! Никак читатель к нам заглянул!.. Неужто настоящий?.. Не взыщи, дорогой, ущипну для верности... Входи, входи, не смущайся, давно ждем! Видишь,— самовар на столе, свежие тульские пряники, брага домашнего производства да медовуха с квасом — душевно угощайся!..

— Да я тут... случайно,— пятится читатель.— Гляжу,— огонек из-за обложки пробивается, думал, детектив какой-нибудь... Вот и побеспокоил...

— Какое беспокойство, соскучились уже!.. Стой, стой!.. Ушел-таки! Да и пусть его!.. а мы, с нашим героем,— как наши предки говаривали,— сядем рядком и потолкуем ладком. Народу за столом собралось немало: кроме меня, здесь,— знакомьтесь, пожалуйста,— полковник Хмуров, истинный вояка-сновидец, Красилин Геннадий Борисович, преподаватель, важный человек, с левого края — профессор и капитан Старосельцев, а на одном из самых почетных мест Виктор Ильич, архивных дел мастер... Угощает нынче гостей обитатель улыбчивого города Тулы, Яшин Алексей Афанасьевич, человек, обремененный по жизни не только стандартными тяготами, общими для всего племени людского, но и разнородными заслугами, как в науке, так и в литературной деятельности. Интересен он, однако, не одними своими свершениями, хотя и о них, конечно, побеседуем, а тем, что живой свидетель странного века, в котором природные катаклизмы символично иллюстрируют происходящие в

* Одна из ипостасей творчества Алексея Яшина.— Прим. авт.

планетарном социуме разломы и перемены. Равно навидался наш герой событий эпохального значения — и ничтожных, но за таковые выдаваемых, о чем в его книгах сказано об этом вполне двусмысленно, языком жесткой сатиры. Люблю я ее, голубушку, за бритвенную упрямую остроту и бессмертие. Верю, что никогда мы не дадим ей повода отправиться в архив, на заслуженный отдых, это никак не в характере нашей цивилизации.

Кем-кем, но сатириком, и в личной жизни, и в иных формах общественной деятельности, человек становится постепенно. Если условия, предшествующие и сопутствующие рождению, не оказались чрезвычайными, каждый доставленный аистом или смоченный капустным соком индивид — безусловный лирик изначально.

В нем процветает чувство любви, первично к матери и отцу, чуть погодя, через их проводящие свойства, ко всему миру вокруг. Таковы младенцы и очень маленькие дети. В аналогичный период существования не отличался от стандарта и наш герой, хотя в момент появления на свет его положение в семье ознаменовалось некоторой малозначительной неоднозначностью: он был одновременно первенцем отца и третьим сыном матери. Впрочем, ситуация не то, чтобы исключительная, союз оказался крепким, никаких психологических сложностей у ребенка не случилось. Вероятно, по этой причине повесть Алексея Афанасьевича «Страна холода», рассказывающая о мальчишке Николке, отличается от других его произведений лиричностью и, несмотря на название, дышит теплотой. На ее страницах все всерьез, логично и просто — так, как должно быть. Взять бы пример с детей да зажить наконец по-человечески! Увы, что-то не получается у нас здравого смысла.

Со стороны, как покажут, все видно, и хохочет каждый над нелепостью собственного бытия в силу возможностей своих легких, но далее, успокоившись, продолжает скоморошничать, не видя абсурда в себе и охотно примеряя его на окружающих, дальних и ближних. Пространство полно людей. Однако, разум, за исключением, надо отдать-таки должное,— технических новинок — развивается слабовато. За время существования человечества мы семимильными шагами убежали от палки-копалки и научились изрядно эксплуатировать древнее колесо, но до сих пор предпочитаем быть не счастливыми, а богатыми, если оказывается невозможным совмещение (практически всегда). При этом, как ни смешно,— если поразмыслить,— ищем «добра от добра», вопреки известной поговорке. Чаще всего не от горькой скаредной нищеты человек рвется к избыточной и, в сущности, ненужной ему сверхроскоши, а от благополучного вполне существования. С этим предисловием предлагаю погостить в одном из романов Алексея Афанасьевича «Историк и его история».

Некий архивист с высшим гуманитарным образованием, имея маленькое, но вполне надежное место под солнцем, тоскующий о высоком и духовном благе, недостаток которого он ощущает в том, что не может иметь дома редкие книги,— хотя многие из них в принципе доступны ему в процессе трудовой деятельности, дотомился однажды до некоего озарения. Идея, впрочем, не новая среди литературных персонажей разных веков — закабалить какого-нибудь второстепенного чертенка и покомандовать властью. Сначала интеллектуально озабоченный герой, архивист Виктор Ильич, как будто обещает читателю затруднить нечистую силу исполнением удивительных и прекрасных желаний. «...И ...накатила на старшего научного сотрудника мысль — не мыслишка, но вдохновенная *Мысль*: большая, пульсирующая, тревожащая душу...» Наступает пронзительный момент очень краткого ожидания, кажется, произойдет чудо, и человек поразит нас небывалым свершением! Но все просто: волшебный пустой автобус, который везет уставшего героя домой с места службы, женщина, не утомляющая долгим ухаживанием (даже Фаусту, с помощью Мефистофеля, пришлось потратить больше времени для соблазнения Маргариты), обжорство деликатесами и тому подобное. Надо отме-

тить, что Алексей Афанасьевич большой мастер литературного натюрморта: потрясающе аппетитно обрисован стол, предоставленный мечтателю-архивисту нечистой силой: «На длинной селедочнице в луково-винном соусе, ровно островки частого архипелага, рядками расположилось рыбно-закусочное ассорти: селедочка, подкопченная тихоокеанская, керченская же а'ля натюрель, свежайшего посола исландская. Две посуды рангом пониже обступали селедочницу по бокам. На одной упокоился порезанный длинными ломтиками копченый угорь, на другой нежилась розовая, покрытая капельками выступившего потом жира, тоненькими пластинами филигранно настроганная семга». Так же славно говорится о других, менее рыбных блюдах и напитках. Это можно читать исключительно на сытый желудок — во избежание проблем с собственным пищеварением...

Развитие сатирического духа романа чрезвычайно многослойно. В некоторые моменты на первый взгляд подтекста не замечаешь, но вдруг что-то озорное мелькает «из-под платка», и, зацепив взгляд, заставляет перечитать абзац снова. Тогда возникает эффект «зеркала в зеркале», и в многочисленности отражений проявляет себя хитрая писательская зоркость. Как волдырь, выпирает самомнение героя, основанное, при внимательном рассмотрении, лишь на поговорке: «Никто не доволен своим состоянием, но всяк доволен своим умом».

То ли это плата за индивидуально-личностное мышление, дарованное Богом и природой, то ли элементарный эгоизм, но многие люди чересчур искренне себя уважают, полагая, будто вправе разить других, в том числе *прежних* (то есть старшее поколение), презрительным мнением. Забывают, забывают о сущей заповеди «не суди, — да не судим будешь».

Обдумывая идею по продаже души, архивист убежден: уж его-то производство желаний заработает с неслыханным ранее к.п.д.: «...не получилось у этих фаустов... ибо они сами не знали, что им нужно, метались и искали, а я разве ищущий?.. Ясно, чего хочу. Я не Фауст с его ментальным немецким скудоумием... Вот уж истинно: на меня благодать сойдет и на мне останется!..» Этим и поддел каверзный чертенок Аседон-младший интеллигентного и добропорядочного обывателя Виктора Ильича.

Я успела слегка намекнуть, какие-то дивные фантазии в первую очередь озарили голову нашего честного труженика. Заполняя свой холодильник, он призвал себе в услужение «любимого» и придирчивого, вечно недовольного им начальника, а именно директора Архива, по полной программе насладившись его унижением. Убеждена, что *кое-кто* из читателей в сладостной мечте нервно потирает руки. Не зря в некоторых странах додумались до сотворения начальственных чучел, чтобы работник любого ранга имел возможность разрядить нервную систему глумлением.

Объевшись, однако, до крайней несоразмерности, бедный Виктор Ильич потерпел желудочный конфуз перед лицом своего чиновного лакея, тем самым продемонстрировав, нагляднее некуда, заурядность своих первоочередных желаний.

Начало истории, случившейся с несколько заплесневевшим от скучной обыденности архивистом, датируется тысяча девятьсот восемьдесят вторым годом. Время это по сути непростое. «Привычкой, данной нам свыше», стали достижения героев-энтузиастов революции и Гражданской войны, подернулся туманом повседневности пафос послевоенных, истинно величественных подвигов по восстановлению в небывало короткие сроки, разрушенных в боях городов и сел, на фоне чего были совершены фантастические прорывы в науке и технике. Искусство, сопровождавшее все поразительные деяния людей и отличавшееся бодрой яркостью воспроизведения реальности, к концу семидесятых уткнулось в некий барьер усталости обывательских масс от взрывного накала стрессовых ситуаций. Критики, позевывая, стали требовать от новоявленных авторов творчества, лишённого эмоциональности, хотя еще содер-

жащего идеологическую подпитку. Подобное сочетание сродни стандартизированному учебнику: может, оно и полезно, но скучновато. Отсюда у средне интересующихся искусством и литературой граждан, — а их-таки было большинство в социуме, — получил распространение миф, будто таланты поиссаякли, и все сколько-нибудь стоящее внимания замкнулось на классике прошлых лет.

Человек — существо, не то чтобы разумное, скорее, упрямое, недоверчивое по природе. Сверх того, наказанное, попустительством Божьим, обузой сомнения, короткой памяти и жадности. В День Победы в сорок пятом, на развалинах домов люди, обнимаясь, твердили друг другу, — мол, теперь, когда нет войны, их уделом будет только счастье, отстояли жизнь и свободу, остальное пустяки. Минуло, однако, менее четырех десятков лет, — и стали раздражать мелкие, в сущности, недостатки: очереди, неидеальность товароснабжения, шероховатости бытового обслуживания. Настоящий разум, то есть без элемента абсурда, отнесся бы к этому философски спокойно. В самом деле, логика проста: угроза жизни и свободе стремится к нулю, лечение и, по желанию, образование обеспечены, усиленная работа, отпуск и пенсия законодательно закреплены за каждым членом социума — и не только на бумаге, как, зачастую, в нынешнем XXI веке. Практически у всех есть жилье — немаловажный фактор. В сущности, если подумать, человеку больше ничего для персонального пользования не нужно. Ни малахитовых колонн, ни гостиных в сто квадратных метров с мраморным бассейном посередине. Это же очевидно! К тому же ясно, что иметь и содержать подобные излишества можно исключительно за счет ущемления прав и свобод других людей. Подлинная разумность существ, объединенных в общество, безусловно предполагает гармонию взаимоотношений между ними, при которой никому не придет в голову или покажется алогичной дикостью идея материально превалировать над кем-либо, хладнокровно наблюдая вокруг нищету, голод и невежество себе подобных. Я не проповедую здесь «левых» учений — и, упаси Бог, не пытаюсь данной фразой оправдываться в отношении приведенного выше утверждения. Подлинный разум априори лишен жадности и эгоизма, следовательно, наше самомнение неоправданно. Известно, что лучшие люди жили (и живут) предельно скромно, а полученные ими или заработанные избыточные материальные блага использовали (соответственно — используют) в помощь страждущим, либо для развития науки и искусства. Диоген вообще добровольно обитал в бочке, питался хлебом и водой, не отвлекался от сугубо мыслительной деятельности на вздорные мечты о том, что никому реально не нужно, — а именно, — о любом излишке, — и был вполне удовлетворен судьбой, как ни один олигарх! Небрежно просил великих мира сего только об одном — отойти от емкости, в которой отдыхал, и не загораживать ему солнце. Тем же, как бы они ни назывались — цари, шейхи, императоры, графы, мафиози или бизнесмены, — вечно чего-нибудь не хватает — двадцатой шубы для жены, тридцать первой яхты, сотого роллс-ройса — или разнузданного кутежа в Куршевеле, словно у них несколько десятков зябких тел или способность находиться и жить в нескольких местах одновременно.

Итак, — пример обжорства нашего историка доказывает истинность данного рассуждения. Кстати, Виктор Ильич демонстрирует неумеренность и в других своих желаниях, которым была дана воля в столь необычных обстоятельствах. На мой взгляд, — зачем ему так примитивно унижать своего начальника? Да, конечно, придирки на работе, директорский гонор, что, как известно, свидетельствует против наличия ума у человека — однако... Наслаждение мезью подобного рода равняет героя с его заколдованной жертвой.

Впрочем, эти низменные забавы очень скоро надоедают архивисту. Измученный чревоугодием и прочими утешительными пороками, он создает себе, — разумеется,

усилиями рогатого помощника — остров академических знаний, заполняя книжным дефицитом материализующиеся из ничего стеллажи. Признаюсь, между строк я пострадала от зависти... Какие раритеты! Для настоящего любителя даже просто держать их в руках — приключение. Энциклопедии, философы, словари, поэты! Всех не перечесть, да еще букинистические, редкие издания...

Но Виктор Ильич скоро пресытился легкодоступной мудростью веков. Снова обуюло довольно-таки предсказуемое и малооригинальное желание — в Париж! Непременно с женщиной, молодой и необремененной избытком, — как ума, так и глупости. Надо отметить, что по дамской части автор явно и чрезмерно польстил своему герою. Будем считать это еще одной бесовской услугой.

Изложение сюжета перемежается рассуждениями, многие из которых заинтересовывают не меньше основной линии повествования. К примеру, иллюстрированная краткая теория струн. Сразу нырнула в Интернет за уточнениями.

Увлекательны и головокружительные экскурсии в историю, необыкновенно удачно внедренные Яшиным в общий ход романа. Сатирические разоблачения чиновных любителей выращивать фантастические генеалогические деревья, несанкционированно держать у себя дома коллекции трофейных экспонатов: «...Здесь были парадные кинжалы и шпаги штурмовиков и эсэсовцев, полный мундир группенфюрера, охотничья винтовка Маузера... подарочное издание «*Mein Kampf*», переплетенное в настоящую крокодилову кожу... Полный комплект наград 3-го рейха был аккуратно разложен на специальном стеллаже под стеклом...». Владелец перечисленной нелегальной роскоши восхотел с помощью знакомого архивиста заделаться родственником революционного героя. Желание вполне скромное и невинное, как показала в дальнейшем практика 90-х годов XX века. Мода, известное дело, бывает разной, не только на наряды, но и на предков. Одно время в тайности подыскивали себе дедов среди соратников Ленина, а к концу столетия индивиды, чьи лица, руки и стать несли на себе явные признаки древнекрестьянского происхождения, начали размахивать свежизданными, золоченого тиснения, грамотами о дворянстве и потребовали величать себя светлейшими князьями. Подлинным же покойным родственникам осталось на том свете руками разводиться да головами качать: «Ой, шо делается!». Сейчас-то многие уже застыдились порывов неправедных, золоченые родословные попрятали до лучших времен и благоразумно не поминают о них.

К счастью, герой наш Виктор Ильич не отрекся от папы с мамой, обуздав нечистую силу, и даже провел им дефицитный тогда телефон, чтобы удобнее было справляться о здоровье, не выходя из дома. Пожалуй, некоторые из его желаний действительно имели смысл, достойный интеллектуального человека.

Впрочем, ловкий Аседон-младший не дожидался моей критики, чтобы хорошенько поддеть возгордившегося архивиста. Спровадил он своего клиента со свитой в пивное государство — хотел, вероятно, показать, кто все же хозяин положения, да и отдохнуть не мешало от ненасытности героя. Пришлось Виктору Ильичу нахлебаться в загадочной стране не пенной, приятно горчащей жидкости, а рукотворных и абсурдных неприятностей. Скучно жил нелепый местный народец, прославляя напиток, которого и не нюхал. Представляется мне, что показал таким образом автор в своей книге, — мол, не всегда смертный владеет ситуацией, частенько барахтается он в житейском болоте под воздействием давящих его обстоятельств. Зато и пришли в восторг участники приключения, когда удалось им вырваться из цепких объятий любителей несуществующего пива! «Человек радостен и оптимистичен... не в привычных роскошных и спокойных условиях жизни, нет, чаще в такой ситуации он впадает в хандру от каждодневного удовлетворения всех своих желаний. Но человек чувствует эйфорию, прилив жизненных сил... когда он временно отстраняется от комфорта,

но при неперменном условии: это удаление от привычной жизни временно и не очень надолго...».

Глядя, однако, на явный аналог упомянутого выдуманного государства в лице современного окружающего мироустройства, что погружается без промедлений и задержек в такую же пропасть абсурда и дикости, хочется стремительно закуклиться и в состоянии анабиоза переждать период невероятных изменений, которые свалились на бедные наши человечьи головы. Останавливает одно: если все поддадутся подобному желанию, этому не будет конца. Или, пожалуй, наоборот — мы финишируем без проволочек.

Сатира Яшина в рассматриваемом романе предстает блюдом, поданным читателю под крайне острым соусом. Кушайте, дорогие гости, для вас истины не жалко! Не стесняйтесь, берите добавки,— чем больше, тем лучше прочищаются мозги, засоренные плодово-денежной идеологией начала нового века. Может, начнут ворочаться в головах озарения по поводу того, что действительно ценно в нашем зачумленном социуме?

На мой взгляд, самое страшное сейчас — безразличие к слову в смысле его положительного влияния на происходящие события. Во все времена содержащий правду меткий афоризм был наказуем, так как попадал в цель, вызывал возбуждение умов, побуждал к активному действию. Речь обладала свойствами оружия. В нашу хитрозмеиную эпоху судьба слова плачевна. Если оно честно исполняет свое назначение, то адресат сознательно гложет по принципу старой русской пословицы «собака лает — ветер носит». Не знаю, удобно ли жить-не замечать голос боли человеческой, строить храм за храмом, при этом безбожно и непомерно повышая плату за жильё, цены на самые насыщенные продукты, второпях, пока массы не опомнились, закрывая высшие учебные заведения и выгоняя на улицу сотни тысяч злосчастных недоучек без дипломов, успевших потерять несколько лет жизни на несбывшиеся планы и надежды.

Зато продажным словом пользуются те, кто сочиняет гнусные небылицы о прошлом, о героях и деятелях, по крупницам создавших еще вчера мощную страну, часами морочит головы людям вздорными программами о «бермудских треугольниках», явно бессмысленной мистике, отвлекая народ от вышеназванных насыщенных проблем. Жаль, что в словоблудии этом соглашаются участвовать некоторые, в прошлом — достойные и уважаемые люди: космонавты, летчики, артисты и т.д.

Молодец Яшин, снова и снова сыплющий колкие, кусачие вопросы за воротники оппонентов в своих книгах! Обидно одно — не высоко ставит он женский наш пол по части ума и рассудительности, если, конечно, исходить из мнений его персонажей — и не только архивиста Виктора Ильича. Ведь «цель всякой литературы — художественное отображение мира посредством индивидуального восприятия, причем пишущий может и прямо указывать на свою собственную индивидуальность, но может и преломлять это свое восприятие, накладывая на нее фильтры выбранного субъекта...» («В Час Волка», 2005 г.) Закон творчества непреложен: каждое создание мое есть я или часть меня. Наверное, здесь уместно поставить модный ныне смайлик? Пожалуйста, ☺ — Алексей Афанасьевич!

Трудно представить мир, в котором сатира не требуется, да и вовсе неуместна. Мир сентиментальный, возвышенный, справедливый и прекрасный. Люди в нем смеются мало и только от радости, больше улыбаются, приветственно или растроганно и умиленно. Пресно, как вареная картошка без селедки и огурцов соленых. Во избежание мы и живем наизуворот, создавая друг другу условия, противоположные по всем параметрам: физическим, духовным и нравственным. Способен петь? — ишь ты, не выйдет, ступай, голоси на кухне, глотая слезы и слушая, как по телевизо-

ру за тебя поскрипывает кто-то другой, поддерживая отсутствие вокальных данных на костылях компьютерных технологий. Мог бы стать архитектором? А вот мы закроем соответствующий институт перед самым твоим выпуском, дадим тебе справку, иди в чернорабочие, глупый мечтатель! Думаешь, есть у тебя жилье? Наивный! Давно продан дом твой оборотистому полнокарманному предпринимателю, забирай чад своих и проваливай под Новый год на улицу! Чего стонешь и жалуешься? Хоть кричи во все горло, никто не услышит и не заметит. Бомжуй себе с Богом!

И правильно. Жизнь устраивать надо так, чтоб и сатирикам было в ней место. Да здравствует столь великое разнообразие!

Возникает яркая ассоциативная параллель: «Час Быка» Ефремова — «В Час Волка» Яшина. Но первый роман предостерегал народ, показывая *еще* не существующую бездну, в которую есть вероятность скатиться, утратив здравый смысл и логику, а второй демонстрирует *уже* достигнутые на этом пути изрядные результаты. К сожалению, можно с удовлетворением констатировать, что свершения наши огромны и сомнению не подлежат. Алексей Афанасьевич не только с горько-соленым сарказмом сфотографировал безусловную истину построенного нами изуродованного социума, но и разъяснил подробности, обывательским глазом не замечаемые. Один вопрос крупными выпуклыми буквами взбухает при чтении яшинских книг: — Отчего народ наш, при возникновении проблем в обществе, стремится каждый раз начать с нуля, первым делом разгромить все «до основанья...», и только затем?.. Неужели возможно за длинную череду столетий так и не понять, что прогресс состоит в развитии, приумножении и совершенствовании — и ни в чем ином? Для этого не требуются ни преданность какой-либо идее, ни звездообразный талант, ни героизм высшей категории, — а лишь элементарный здравый смысл. При его наличии никакой Даллес никакими доктринами не смог бы навредить никому. Кстати, о самом Даллесе — редко кто наивный был человек, на удивление, — неужели он всерьез полагал, что, если от души нагадить в отдельно взятой стране, то не провоняет весь наш малюсенький мир? Мы сейчас наблюдаем данное действие в изобилии, а дальше будет еще хуже.

Странное, однако, дело: в своем жилище человек, даже не особо одаренный и без энциклопедических знаний, вполне способен догадаться сменить выцветшие обои, не снося весь дом и не выстраивая новый. В масштабах государства работают те же простые закономерности, но почему-то тянет выгнуться поизощренней и укусить самого себя за хвост или другое дальнее место. «С подвыподвертом!» — как не без ехидцы говаривал по случаю один из моих учеников, — и был прав.

«Всю жизнь... включая десяток послепенсионных лет, трудился на «Красном кузнице»... Антон Васильевич. И... Сергей Антонович, окончив в середине 60-х годов машиностроительный факультет местного... политехнического института, ни на минуту не сомневался в выборе места инженерной работы. «Держись, сынок, за заводскую трубу, в жизни не пропадешь», — с несколько фальшивым пафосом говорил еще студенту принявший по случаю праздника стопку-другую Антон Васильевич. Слова эти он где-то явно вычитал или запомнил из довоенного фильма. Однако вовсе не фальшивой, но здоровой и оптимистичной оказалась атмосфера жизни прославленного завода. Как впрягся тогда еще молодой специалист Серега Перельгин в трудовую деятельность Специального конструкторского бюро при заводе, так и до сих пор, уже будучи почтенным пенсионером Сергеем Антоновичем, кавалером высокого ордена Трудового Красного знамени и лауреатом Госпремии СССР — за активное участие в постановке на серийное производство ракетно-пушечного комплекса для борьбы с американскими «томагавками», — не мог все опомниться, представить жизнь свою без заводских ворот, той же трубы, а более всего — своего родного СКБ. Такие вот *дураковатые*, на нынешний взгляд, люди и сделали СССР сверхдержавой». («В Час Волка», А. Яшин. *Выделено мной.* — Н. Квасникова).

Надо сознаться,— прошло немало лет моей жизни, прежде чем я с удивлением осознала, что люди мыслят неодинаково, и все же катастрофический недостаток логики во многих умах удручает меня и поныне. Слепая, даже какая-то почти подобо-страстная вера в стереотипы, в одурманивающее вещание разноголосых СМИ — без фильтра анализов информации в мозгу. Съедобно все: 1) выпуклоглазые инопланетяне, передающие послания со смыслом мирового значения бродягам, пенсионерам и разорившимся фермерам, так как высокий космический интеллект не позволяет звездным гостям догадаться, что гонимых данной категории охотно выслушают только психиатры да корреспонденты пустопорожних программ и журнальчиков для одурманивания населения; 2) кровавые мальчики, преследующие студентов-квартиросъемщиков, польстившихся на малую месячную плату; 3) ведьмы-соседки, наводящие порчу на каждого, кто отказался однажды помочь им вынести мусор; 4) небезызвестная политическая дама, до сих пор ядовито плюющая в сторону не только прежних, но и сегодняшних — безобидных, сильно обесцвеченных коммунистов, обвиняя их даже в очередных плачевных результатах нынешней реформы образования; 5) вечерние телепосиделки артистов, в пресловутое советское время добравшихся из своей родимой глухомани до столицы, наполовину пешком, наполовину на перекладных, после чего — сходу, только за талант, бесплатно поступавших в лучшие театральные вузы страны; шоу, на которых они бранят нещадно те годы за мелкие обидки и досадки типа «не разрешали танцевать твист», натужно выводя из этого политическую подоплеку и ущемление личных прав и свобод. Подумали бы лучше о том, каково бы пришлось им сейчас, если бы надо было начинать с нуля — и без немалых денег. А еще подумать бы насчет элементарной благодарности... Впрочем, даже Христа поблагодарил только один из исцеленных им двенадцати прокаженных.

Об этой вывернутой наизнанку жизни, неумной и, по сути своей, противоестественной тяге к деньгам, ради которых даже матери готовы торговать своими детьми, болят сердца несчастных сатириков. Накрыл людей Час Волка, и предостерегающе сгустились сумерки над человеческим разумом, причем не в отдельно взятой России, но, как и должно было случиться, в половине всего мира. Однако в данном трактате нас интересует прежде всего собственная участь, что обусловлено специфическим эгоизмом, внедренным в наши души упомянутой доктриной Даллеса. Опять Вам слово, Алексей Афанасьевич. «...— Хотя и жизнь сейчас непонятная, порой страшная, но хоть товарное изобилие наступило, не надо по три часа за колбасой в очереди толкаться или из Москвы сумками волочить.— М-да. Оно, может, и так, но вот недавно в той же Москве на конференции... встретил... приятеля; он главным диетологом в одном из управлений Минздрава трудится, в люди вышел. В перерыве... он мне и рассказал про все это изобилие. Ничего хорошего. Пищевая химия одна...».

А несколько случаев смертельного отравления московских подростков напитками — так называемыми «энергетиками»? Разве до начала торговли указанным товаром никто не подозревал о подобной возможности? Трудно в это поверить. Как там, у наивного директора ЦРУ, сказано?

«...Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые... Мы найдем своих единомышленников в самой России...».

Все эти равнодушно-циничные предприниматели да продавцы и есть добровольные единомышленники, причем по самовырождению и самоуничтожению, врагу на радость. Помнится, было у меня в закромах стихотворение по теме:

*Жила-была Марья Андревна,
Возила грибы из деревни,
Торгуя сушеным товаром*

*По улицам, паркам, бульварам,
Копила приданое дочке,
Готовя к продаже грибочки.
Грибы же росли вдоль канавы
Со стоком для местной отравы.
Дочь выросла, в темпе ударном
Привозит из города парня.
Недолго решается дело,
Замужняя жизнь полетела,
И к сроку рождается внука...
Без ножки она и без ручки,
И к Марье Андревне соседка
Заходит поохать нередко.
За что ж им такое несчастье?
В судьбе наступило ненастье,
Горюет любимая дочка...
А зять? Обожает грибочки!*
(«Урбанистическая трагикомедия»,
Н. Квасникова, 2004)

На данном оптимистическом примере, показывающем уже вполне зримые и даже осязаемые перспективы отечественных «единомышленников» Даллеса, я завершаю первую главу этой маленькой повести.

ГЛАВА 2. ЛИРИКО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ

Теперь мне бы хотелось задержать внимание гостя-читателя на биографических фактах, приведших моего главного героя, Яшина Алексея Афанасьевича, к тяжелому и неблагоприятному, а главное, — убыточному в наше несуразное время занятию литературным творчеством. Опять же, — что там говорится, в пресловутой доктрине?

«...Из литературы и искусства мы... постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием... тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс...». Хочется отметить, с изысканным чувством искреннего удовлетворения, что нынешние сложности — рытвины и ухабы на избранном пути не помешали А.А.Яшину двигаться заданным им курсом, преодолевая всевозможные помехи. Тем больше ему чести, коли с такой труднопроходимой дороги до сего дня не сошел...

Итак, — детство. Несомненно, счастливое, хоть и не легонькое. Впрочем, невесомость никогда не была характеристикой счастья. Крепко шагал по северной земле этот «мужичок с ноготок», чувствуя за собой надежный семейный тыл. Четыре брата, отец с матерью, рукастые, работающие, детей к труду сызмала приучающие. Заботы у ребенка еще с уклоном в игры, но уже с перспективой большой взрослой жизни. То со старшим братом измеряет маячный остров Седловатый, то отец учит его, как отливать дробь из свинца, то, кроша перочинным ножиком известковый камень, он с интересом рассматривает отпечатки доисторических организмов. Будущее созревает в нем постепенно, как и полагается, предвещается интересным, но полным полезного труда и соответствующих достижений.

Не то теперь, когда родители, чья психика изломана бессмысленно-агрессивными триллерами, одуревшие от дневной непроизводительной работы менеджерами по набиванию карманов и от ночных компьютерных игр, покупают сыну или дочке еще

один такой же агрегат. С трех-четырёх лет ребенок оказывается прикован к монитору с клавиатурой, теряя нервы и прочее здоровье, лишь бы занят был и не мешал маме с папой «отдыхать» в Интернете. Вырастает манерное создание, не знающее толком, кто оно, всегда уставшее, так как питается непонятно, чем (маме особо готовить некогда и неохота), себя не любящее, но цепляющееся за существование, в котором, однако, ничего радостного нет. Радость жизни, как известно, возникает от наличия цели, голова работает над изобретением способов ее достижения, в этом процессе рождается и развивается человеческая личность. Кроме того, сама цель должна быть хоть немного повыше счета в банке, а не тупо упираться в него. В результате один индивид использует накопления, чтобы увлеченно исследовать очередную гробницу фараона, и проводит отпущенное ему время интереснейшим образом, то есть не зря, а другой понятия не имеет, куда ему эти деньги девать, и едет от скуки в Куршевель, где так смачно «оттягивается», что оставляет после себя только вонь и отвращение, а то и преступление, причем все именно по причине скудости ума.

Детство Алексея Афанасьевича пришлось на тот период двадцатого века, когда смысл жизни не требовал нелепых и головоломных рассуждений, он был очевиден для большинства населения нашей огромной страны. Подчеркиваю: *был* очевиден, а не казался таковым. Деяния наших соотечественников созревали быстро и поражали мир своей значительностью. Несомненно, и путь моего героя неслучайно увенчан многими достижениями, как в науке, так и в литературе.

Немало страниц своих книг Яшин посвятил реалиям собственной судьбы, создавая портрет эпохи. Помимо вполне автобиографической повести «Страна холода», не менее интересны с этой точки зрения его рассказы (сборник «Трамвайное кольцо», 1999). К примеру, в «Прогулке с переправой» три брата убегают на выходные из интерната домой, отчаянно стосковавшись по родителям. Отец и мать живут и работают на островном маяке, дети учатся в городе, подолгу не видят их, скучают по ним. Грянула непогода, дорога небезопасна, но разве настоящих северных мальчишек такими пустяками остановишь? *«Поверху стлалась поземка. Впереди белел, сколько глазам хватало, снег пологого спуска с двумя парами ... протоптанных следов. Еще дальше, за полоской темной воды, еле виделся наш остров и только спичечный коробок маячного дома с горошинами хозяйственных построек. Сердце заколотилось, но стуком веселым, не щемящим. На душе так легко стало, что щеки и нос перестали чувствовать, как неприятное, сечку жесткого, оледеневшего, сорванного ветром с наста снега поземки. Гуськом, наклонив лица, упрятав их от жгущего, как оводы, снега, пошли по протоптанным следам...»* Путь домой... Трудно представить, что кто-нибудь не поймет этого упрямого стремления, свойственного не только ребятишкам, но и очень многим вполне взрослым людям. Едва авторский язык отходит от сатиры и сарказма, в атмосфере которых обитают персонажи таких крупных романов, как «Историк и его история», «Любовь новоюрского периода», «Видение на Патмосе», теплым крупнозернистым словом говорит он обо всем, что свято для человека и не подвержено язвительной насмешке. К ночи, пройдя сквозь пургу, преодолев настоящие опасности,— мальцов чуть не подстрелили охотники, принявшие издали мелькание рыжей меховой шапки одного из братьев за прыжки росомахи,— ребята оказываются дома. Напившись горячего молока, младшие спят. А старшему, подростку, не до того. «Я вышел в коридор и пробежал, скользя в шерстяных носках по гладкому чистому полу, до веранды. ...Ветер затих, снег перестал падать, а по небу, вспыхивая и стреляя разноцветными стрелками, со вселенским трескучим шепотом играло северное сияние. Дыхание перехватывало от счастья...» — заканчивается рассказ.

К сожалению, наша нынешняя жизнь не слишком располагает к сантиментам, и, видимо, поэтому перед читателем Яшин-лирик открывается редко. Жаль. В этом литературном амплуа он не менее интересен, чем в образе бескомпромиссного сатирика.

Год за годом нанизывались на стрелу времени, детство моего героя заканчивалось, на горизонте судьбы во всю ширь встал вопрос о выборе будущего места в жизни и в истории. В то время, впрочем, идея стать писателем не приходила ему в голову. Иные были приоритеты.

«Самая веселая жизнь началась с 9-го класса,— сообщает Алексей Афанасьевич в «Опыте автобиографии»... Учителя поступили мудро: кто, по их мнению, собирался... поступать в вузы, того определили практиковаться... на телеграфиста... умеющего передавать на ключе и принимать на слух азбуку Морзе...» Наставник, А. В. Калинин, был радиолюбителем и сумел увлечь этим делом своих учеников. В результате,— уверена, не у одного Яшина, но и у большинства его товарищей, кем бы они в конце концов ни стали,— «самые золотые воспоминания отрочества и начала юности — ...школьный радиоклуб с гордым позывным UA1KUZ». Немудрено — коротковолновый ученический сигнал перекрывал в эфире мощное американское вещание. Следовательно, выбрал мой герой радиотехнический факультет политехнического института в Туле. К тому же и родители его решили оставить северную службу, обосновавшись, по воле обстоятельств, именно в этом городе...

Человек, желающий много знать, обретет знания. Яшин полностью соответствует этому определению. Не ограничившись первым высшим образованием, Алексей Афанасьевич поступил учиться в Ленинградский университет на математико-механический факультет. Но потом вспомнил-таки пророческие слова своей школьной учительницы русского языка, которая, случалось, вслух зачитывала в классе его сочинения: «Поверь мне, к этому ты еще в жизни вернешься», взял, да и окончил в 1981 году Литературный институт имени А. М. Горького.

С Алексеем Афанасьевичем мне довелось познакомиться в 2009, притом заочно. В журнал «Приокские зори», им возглавляемый, я робко отправила подборку своих стихов, которые были опубликованы в первом номере указанного года. С тех пор названное издание приняло под сень своих страниц мои рецензии, статьи, рассказы, поэмы и т.д. Сама же я с неослабевающим интересом изучаю все выпуски журнала, который, кстати, растет и развивается, несмотря на многочисленные сложности и препятствия,— в огромной степени благодаря усилиям, энтузиазму, таланту и энциклопедическим знаниям своего главного редактора.

В некоторых следующих главах настоящей повести я планирую вступить в спор с моим уважаемым героем по поводу несогласия с некоторыми его мнениями, встреченными мной в его жестких, злободневных и едких произведениях, что, впрочем, не мешает мне остро интересоваться ими.

ГЛАВА 3. МИСТИЧЕСКАЯ

— А расскажите-ка нам, дражайший Николай Данилович, как угораздило Вас прирасти к мебели в родной конторе? Конечно, сидячая работа, многолетняя деятельность сомнительной полезности, инерция городской жизни... Однако, согласитесь, идти против законов природы в некотором роде неприлично. «— Да я что-то...— начал было Николай Данилович и... с натугой попытался вырвать себя из стула, но случилось необъяснимое и от полной непонятности страшное: чуть было распрямил ноги, а спинка стула больно надавила на лопатки. Он инстинктивно дернул было руку за спину — дотронуться до большого, сдавленного чем-то места на лопатке, но локоть не оторвался от столешницы. То же было со второй рукой. Не в силах более стоять на подогнутых ногах, нелепо упершись локтями в стол, словно магнитом притянутый, сел и услышал, как стул с двойным стуком ударился ножками об пол».

И завихрились в заведении события поистине волшебные. Набежали-понаехали врачи, с увлечением исследующие аномальный случай. Сросся трудовой элемент со своим законным рабочим местом так, что и очередной отпуск вынужден был провести без отрыва от делопроизводства. Кажется, автор дает нам повод посмеяться над бедолагой, но кой-какие детали повествования останавливают веселье. Здесь больше сарказма, чем сатиры, и улыбка, хоть не исчезает совсем, но принимает неправильную, несколько искривленную, форму.

В романе «Видение на Патмосе», приснившись автору подобно пресловутой таблице Менделеева, именно с этого эпизода, жуткого до смешного, начинается развитие событий. В чем, собственно, проблема? А суть дела, оказывается, в привычке. Не забыли еще, как Пушкин говорил (кстати, тоже не без иронии)?

*Привычка свыше нам дана,
Замена счастью она.*

До того часа, как злополучный обыватель Николай Данилович прилип к определенному ему насмешницей-судьбой месту в пространстве, миновали несколько коротких, но существенных вех в развитии нашей страны. Все они существовали в атмосфере живой идеи, сопровождавшейся активной человеческой деятельностью. Некогда было присесть для коротенького отдыха, не то что прирастать к стульям и столам. Но период равновесия настал — с присущей ему неотвратимостью. Люди, воспитанные для подвигов и свершений, увязли в тихой и нудной конторской работке, обленились, объевшись покоем. У большинства не возникало больше нужды в применении лозунгов и призывов, которые, примелькавшись, утратили свою звучную сущность. Размеренные бумажные труды не требовали избытка энергии. Как следствие, зашебурились в головах капризные тараканы мыслишки типа: — *У нас очереди за колбасой, а у них нетути!* Я ездил в командировку, *сам* видел!

При этом загадочнейшим образом из поля зрения упускается пустяковый, вроде бы, нюанс: названный продукт *там* стоит столько, что почти некому его и покупать. В настоящее время мы аналогичным способом успешно ликвидировали очереди в отечественных магазинах. Однако восторги по этому поводу случаются и по сей день... Как это у Яшина? «Женщина... рядовая бухгалтерша... восторгается: дескать, ...скверно мы жили при коммунах...— Выстоишь очередь, купишь десять кило колбасы и буженины и холодильник под завязку набьешь. Зато сейчас, хоть и дорого все, но безо всякой очереди подойдешь к прилавку и купишь граммов сто колбаски к празднику...».

В праздничной телепрограмме «Следствие вели...» от второго января 2013 года прозвучали заверения известных артистов и прочих сатириков, что в брежневский период прошлого века в нашей стране имел место дефицит наиболее вкусных и полезных продуктов. Осетры, дескать, в суп рядовых граждан даже не заплывали, а народ, мол, питался исключительно килькой в томате. То ли дело сейчас: госпожа учительница французского языка на свою пенсию легко и свободно приобретает целых две (нет,— три!) луковицы и полбуханки черного хлеба, чем ужинает не менее четырех вечеров подряд, ведь ей не реже одного раза в месяц необходимо заплатить за рассыпающуюся, но не признаваемую аварийной квартирешку треть жалкой государственной милостыни, которую брезгливо выдает ей не всегда приветливая работница почты. Почему день сегодняшний столь мало волнует ведущего программы Леонида Каневского? С чего так страдает он, подсчитывая давно съеденную советскими гражданами кильку, играя при этом в жмурки с нынешними проблемами, каковые,— не вчера, а сию минуту,— буквально душат среднестатистического человека?

Во времена, которые ныне с необоснованным презрением обзываются «застоем», рядовой человек жил совсем неплохо, и я тому свидетель, несмотря на любые СМИ-

верещания. Но вернемся в контору к пострадавшему от рутины и обывательщины Николаю Даниловичу. Когда врачи взялись за него с присущими им энтузиазмом и любовью к своему делу, обнаружилось еще более страшное следствие уникального случая: герой не только прирос частями организма к названным предметам казенной мебели, но и составил с ними неделимую плоть! «...Николая Даниловича больно царапнуло, вслед за тем острые, длинные царапины стали терзать тело, и он, почувствовав, что раны от царапин заливаются выступившей кровью, сдавленно застонал. На его стон встрепенулась стоявшая справа ...докторша, что в рассеянии водила длинным ногтем по крышке стола. Была она в сквернейшем состоянии, в котором только и может быть с утра молодая женщина, разругавшаяся со свекровью, поэтому всю оставшуюся не выплеснутой в утренней сваре злость вымещала на фанерной крышке, глубоко царапая ее ногтем.

Услышав стон, она тотчас перешла в осмысленное состояние и убрала руку со стола. Николай Данилович вдохнул судорожно, режущая боль прекратилась, осталось только тупое нытье свежей раны...»

В очевидную и необычную беду вовлек автор-сновидец своего героя. То-то потирал волосатые ручки хитрый Аседон-младший — его фокусы, не иначе! Пришлось злополучному столоначальнику приспособливаться к новому, уникальному способу существования, служа одновременно интересам изумленной медицинской науки. Поначалу, когда отпустил первый испуг, человечку даже понравилось ощущать себя в центре всеобщих забот и внимания, — в некотором, конечно, смысле. «Быт его устроился как нельзя лучше. ...Можно предположить, что ...идеальные устремления души Николая Даниловича к покою, удобству, размеренному ритму легкой и неомрачаемой жизни в нынешней ситуации исполнились. Уже мало кто в канцелярии задумывался о страшной неподвижности их сослуживца. Начальник позволял себе покрикивать на него, обнаружив опрометчивую описку ... в ... отчетной ведомости. ... Зимой Николаю Даниловичу было не холодно, летом не жарко...» В этакое состояние герой находился довольно долго. Привычка вернула ему спокойствие и уверенность. Пышно отмеченный юбилей, — тридцать пять лет конторской деятельности, включая, разумеется, стаж неведомой болезни, — ободрил виновника торжества и вдохновил на продолжение трудов праведных без перемены места. Осчастливили его также должностным повышением — с увеличением оклада. Нашлись и завистники — казалось бы, удивительно, чем в данной ситуации можно соблазниться, но мы-то с вами знаем, что многим людям свойственно желать чужого блага, пусть даже это золотой гроб.

«— С ума от радости наш Данилыч спятил... Станешь тут важным, если тебе четвертной сразу накинут, гарантированную повышенную премию да при этом будешь только... груши околачивать!..»

Временами, невзирая на удобное существование и карьерные изменения, больной испытывает неприятные и странные ощущения, которые пугают его. Душа холодеет от невнятного предчувствия, а тело пробирает озноб. Беспокоят малообъяснимые сны.

Один эпизод, который наблюдаем, вслед за автором, только мы, читатели, раскрывает перед нами всю сатирическую подоплеку этого повествования. Начальник внезапно сообщает о приезде в их канцелярию комиссии, уполномоченной проверить конторскую деятельность. В распоряжении коллектива всего три дня. Бросив бумаги, служащие с энтузиазмом принимаются за... обыкновенную уборку. Они трудились «... с остервенением, соскучившись по настоящей человеческой работе, приносящей осязаемую вещественную пользу: мыли до сверхпрозрачности оконные стекла, скоблили плинтуса, ...терли запачканные столы. Прекрасно выглядит человек, занятый естественной работой — головой ли, руками...» — уже без малейшей иронии замечает Яшин.

Николай Данилович не остается в изоляции от общего дела. Сначала он, насколько способен двигать руками, наполовину приросшими к столешнице, вытирает пыль с ближайших поверхностей. Затем решает заняться чисткой аквариума. На этом этапе происходит очень показательное чудо. «...Когда приспособление оказалось бессильным выудить ...перегнившую водоросль, он *встал со стула... вытащил комок скопившейся грязи, ...перешел через всю комнату, выбросил в ...ведро. Затем поддержал покачнувшуюся стремянку Петрова... вприпрыжку сбегал в кочегарку* (за водой для сослуживицы), *...покачал насос распылителя... а потом вернулся к себе, сел на свое кресло-стул, поставил локти на те же самые пятна стола* и обрел обычное состояние. ...Ни он сам, ни увлеченные редкостной настоящей работой канцеляристы — никто не заметил происшедшего с Николаем Даниловичем...» (Курсив Яшина А. А.— примечание Н. Квасниковой).

Однако трудовой порыв налетел, как ветер, и пропал. На улицах города развивалась осень, а в конторе продолжилась бумажная рутина. Психологические тучи начали сгущаться над учреждением. Один из служащих внезапно похудел, пожелтел и умер, обозначив таким образом надвигающийся новый этап в существовании канцелярии. Несколько человек, почуввав дискомфорт в общей атмосфере, поспешили уволиться или перейти на другую работу. Это были счастливики. Оставшиеся впали в апатию, все больше тяготели к сидячему положению и — свершилось! «ВСЕ ПРИРОСЛИ!! Во всем учреждении...»

Прочтя эту многозначительную историю, вспомнила одного из студентов, учившегося одновременно со мной в институте. Он с увлечением не раз декламировал мне, в те годы хорошенькой первокурснице, сочиненную им инструкцию к столовой ложке. Незабываемо хохотала, считая его творение шуткой. Однако сочинитель всерьез обиделся на меня. Сообщив, что по причине врожденного легкомыслия понять важность его дела я не способна, молодой человек прекратил свои ухаживания и вскоре женился на другой, более солидной, особе. Не могу сказать, будто хоть сколько-нибудь была огорчена...

К сожалению, роман-сновидение не просто сатиричен, по мере развития действия в нем все отчетливее проступает чеканный профиль Мельпомены. Судьба людей приобретает черты трагедии тогда, когда утрачивается здравый смысл в человеческой деятельности, устремления становятся примитивно вещественными, а способы достижения желаемого выходят за рамки уважительного отношения к каждой отдельной личности, встречающейся на пути к цели. Несмотря на простоту данной идеи, неоднократно сформулированной философами и мыслителями самых разных племен и национальностей за множество прошедших веков, она тяжело укладывается в сознании индивидуумов. Трудно сказать, в чем причина. Я пробовала общаться по этому вопросу с людьми разных возрастов и обнаружила, что большинство легко осваивает первую часть упомянутого утверждения, а именно уважение к себе. Вторую половину обычно пропускают мимо ушей, хотя в ней заключена вся соль математически выверенной структуры человеческого бытия. Убеждена: осмысленное, здоровое и логичное существование цивилизации возможно только при условии благополучия каждого члена социума планеты, вариантов нет. Если условие не соблюдается,— что мы имеем в течение всех предыдущих веков по настоящее время,— исключая некоторые короткие, но показательные для истории периоды,— то жизнь может носить лишь псевдоразумный характер. Вывод: человечеству в целом едва ли есть, чем гордиться. Занудное, переходящее из века в век стремление к мировому господству, навязывание идеологий и религиозных воззрений, рабовладельчество и крепостничество, длящиеся столетиями, омерзительная и ничем неоправданная жестокость к животным, проявляемая до сих пор, примитивные войны, основанные на

желании уничтожить чуждый народ, стереть из памяти человечества созданную им культуру и его язык,— а после выковыривать из праха битые горшки и ночные вазы, бережно собирая их в музеях... Чудовищное непонимание того, что все творения людей суть достояние и величайшее богатство цивилизации...

Вероятно, Аседон-младший смог бы высказать свои возражения на этот счет, если бы нас заинтересовало его мнение, которое, несомненно, вполне содержательно, но мы ни о чем у него спрашивать не будем.

ГЛАВА 4. О ЖЕНЩИНАХ И МУЖЧИНАХ

...Яду мне, яду!..

М. Булгаков

...да побольше!..

Н. Квасникова

Беседуя о различных аспектах жизни, нельзя не уделить несколько страниц любви. В наше время любовь — очень вместительное понятие, настоящий трансформер. Еще в восьмидесятых годах XX века этим словом обычно именовалось сильное чувство привязанности между двумя взрослыми людьми разного пола, в основе которого частично лежало сексуальное влечение, однако немаловажное значение имело не менее сильное стремление к духовному общению конкретных мужчины и женщины друг с другом.

Если внимательно взглянуть в сложные переломные исторические моменты, то сразу видно, что данная сторона жизни наиболее уязвима и страдает в первую очередь. Мораль съезживается до крайне малых размеров, непременно объявляется свобода нравов и начинается разгул взбесившегося инстинкта,— но не продолжения рода, а необъяснимой тяги к самому грязному разврату и неразборчивости. Рожденное в таких условиях молодое поколение вырастает обделенным всеми лучшими человеческими качествами, в том числе практически лишено возможности быть счастливым. Мы приложили массу усилий, чтобы лишить наших детей того, к чему сами стремились всю жизнь, что нам, хоть и в разной степени, но довелось испытать, и, объявив чистоту и искренность чувств наивом, подменили их эгоизмом, цинизмом, пошлостью, а во многих случаях полным бессердечием. «Подсчитали — прослезилась», однако, расхлебывать придется долго.

Впрочем, началось это исподволь и отнюдь не в «проклятые девяностые». Гораздо раньше. В предреволюционные годы, на заре XX века, над закипающим варевом зарождения нового социума уже вспучивались болотные пузыри разлагающейся живьем нравственности. Уменьшилось количество телегиных за счет возрастания численности бессоновых. Кто читал роман или смотрел кино «Хождение по мукам» А. Толстого, тот знает, о чем я. Было же время, когда яростный, но восторженный Маяковский маршировал в одном строю с единомышленниками, и все в мундире Адама. Даже эти скоростижные нелепости опирались на многострадальное понятие «любовь».

Мой герой, Алексей Афанасьевич, много и с жестким состраданием истинного сатирика пишет о ней, о месте, которое она занимает в судьбе всякого человека. К примеру, роман «Любовь новоюрского периода». Издалека начинает автор, с тех лет, когда, казалось бы, никто не подозревал об исподволь надвигающихся катастрофических изменениях. Некий среднестатистический Геннадий, абсолютный продукт 70—80 годов XX века, молодой преподаватель гуманитарных дисциплин, стандартно вершит свой жизненный путь. Не то чтобы он как-то особенно развратен, вовсе нет,

однако, по принадлежности к мужескому полу, свободно чувствует себя в мире секса. Впрочем, в компаниях попадают к нему и такие же не скованные избыточной моралью красотки. Не слишком смущают их наличие двух и более параллельных отношений. «Душа каменела... Так прошло два месяца. ...Все промелькнуло в пьяном — больше не от вина, но от разнузданной чувственности,— угаре. ...Сердце давно молчало, как бездушный часовой механизм. Похудел, как мартовский кот...

Порой чувствовал себя подлецом, но чаще преисполнялся сознанием гордости — гордости двуобладающего самца...» Точнее не скажешь — человеком он в этот период и не был, потому и ощущения его трансформировались соответственно. Прошло благословенное время 30—60-х, когда в нашей стране преобладало стремление обоих полов к целомудренному образу жизни. Уместно привести здесь цитату из воспоминаний Клары Цеткин о беседах с Лениным: «Некоторые теоретики пытались тогда утверждать, что любовь сводится к инстинктивному удовлетворению физиологической потребности. Они, оправдывая разврат и половое влечение, не регулируемое никакими общественными нормами, ссылались на то, что сексуальный, половой инстинкт, физиологическую потребность можно так же просто удовлетворить, как жажду водой из стакана. «Я считаю,— говорил В. И. Ленин,— знаменитую теорию «стакана воды» совершенно немарксистской и сверх того противообщественной... Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ? Но важнее всего общественная сторона... В половой жизни проявляется не только данное природой, но и привнесенное культурой... В любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу». Эта пресловутая теория «свободной любви» давно вышвырнута за борт истории, но порой рецидивы ее в виде половой распущенности и безнравственного поведения кое-где еще проникают в наш быт, пагубно влияя на некоторую часть нашей молодежи».

Увы, мы не только, как нерадивые работники, перестали вывозить мусор, но и в приступе нахлынувшего безумия принялись восхвалять и возвеличивать его, именуя вонь и смрад здоровым, свежим и нежным ароматом. При этом исхитрились оплевать и в азарте софистического восторга развенчать почти всех мудрецов прошлого столетия. Но неужели и теперь, упорно ступая по граблям изо дня в день в течение более двадцати ближайших лет, так и не научились ценить явную неопровержимость большинства их выводов? Дело-то не в чьей-либо идеологии, а в наличии элементарного здравого смысла.

Но, вероятно, я слишком раскипятилась нынче, ибо кто им, то есть здравым смыслом, руководствуется в наше бестолковое время? Только бы любовью не именовали действие, никаким боком к ней не относящееся... и вот результат: замудренно-циничная житейская философия, кратко и емко сформулированная тещей Геннадия Красилина, обществоведа. Адресовано его жене, но мы прочтем: «...Всегда будь готова к отражению атаки, ибо мужик, даже самый распрекрасный, по... биологии бабник, или, говоря толерантным языком — полигамен. И задача каждой самки, извиняюсь — женщины, это сочетанием кнута и пряника удержать мужчину до тех пор, пока его «левый» интерес ходака не переключится с возрастом на что-либо другое: шахматы, коллекционирование книг или марок, умеренное пьянство и так далее». Исходя из опыта, полученного в романе «Историк и его история», полагаю данное рассуждение малосостоятельным. Помнится, обитатель упомянутого произведения чтением весьма увлекался, но и прекрасных дам из виду не терял.

Для начала, думаю, любая из нас должна с собственным статусом определиться — самка она либо женщина. Что же касается мужчин, встречались мне изредка те,

кто говаривал за чашкой чая: «Все устроены одинаково, так зачем же обижать человека?» Имелась в виду наличествующая супруга. Не возьмусь ничего опровергать, поскольку досе на указанных людей в руках не держала, и оснований для недоверия у меня нет. Однако роскошный супермен Гена Красилин в романе, именуемом «Любовь...», который и после женитьбы не стеснялся ходить, подобно ферзю, налево-направо, вперед-назад и по диагонали, к категории тех редких индивидов явно не относится.

Как женщине, мне всегда было неясно, по-видимому, в силу интеллектуальной, по признаку пола, недостаточности, откуда у большинства мужчин такая неразборчивость и отсутствие элементарной чистоплотности в интимных отношениях. Наступит в свеженькую телячью лепешку, еще почти стерильную, поскольку только что покинула организм,— исплюется, изворчится весь, искорчится, отмывается часами, бедолага, а потом полдня ходит, носом крутит, плохое настроение на жене и детях срывает. Но едва увидел сговорчивую Зинку или Ирку, покрывшую более или менее искусным макияжем сильно подержанное личико,— и на все готов. Потом он же еще презирать ее будет, хотя, по логике, цена ему, в лучшем случае, та же самая, а в реальности гораздо ниже. С чего мужская братия вечно себя иной мерой меряет? Никто меры не определял никогда, сами так решили.

В мировой литературе встречается — изредка — тип женщины с мужским, прагматичным либо чисто биологическим, отношением к данному понятию любви. Кармен, к примеру. Приходит в голову Маргарита Готье, но это, пожалуй, уже иной вариант. Любила-то она бедного, а «кушать хочется всегда...». И все же в жизни, если у женщины есть к кому-то чувство, искать мимолетных удовольствий на стороне она не станет — в отличие от сверхблагородного сословия мужчин.

«Затворив дверь в гостиную, Геннадий прижал к себе Наташу, через теплую ткань шелковистой блузки ощущая ее теплое, податливое, но в тоже время упруго-напряженное тело. Та ответила на долгий, иссушающий поцелуй, ...деловито застелила разложенный... диван...»

Поздно вечером наш обществовед возвращается к жене и, конечно, неубедительно завирается, рассчитывая на слабый женский интеллект: «...Притворяясь крепко спавшей и только-только полупроснувшейся, Света спросила тихо улегшегося рядом мужа: — Вроде и не выпивши особенно... чем это вы с Женькой (приятель по кобеляжу — прим. автора) занимались за полночь? — Так, ничем. Виски пили, потом кофе, и смотрели видик... Спокойной ночи, Светик, я что-то сегодня устал... да еще виски...»

Читая роман, проходишь все стадии глубочайшей иронии, острейшей сатиры, вплоть до самого жесткого сарказма, начиная с названия. Любви здесь — мелкие, трудноразличимые жемчужные крупички, остальное — сплошной новоюрский период, предшественник Часа Волка. Не замедлившего нагряться.

ГЛАВА 5. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ

Как там дела в свободном вашем мире?

В. Высоцкий

Яшин — человек глубоких знаний. Его книги побуждают читателя стряхивать пыль со старых энциклопедических изданий, тома которых дремлют на самых верхних полках библиотечного шкафа и даже углубляться в Интернет-ресурсы, в связи с чем так и тянет вспомнить цитату из «Полковника Хмурова...» — прошу прощения у названного персонажа за беспокойство: «Николай Андреевич выругался по-

чукотски и по-русски, когда ему прямо на темечко упал с верхней стеллажной полки толстенный и запыленный том...».

Слава Богу, мне повезло, тяжелые опусы и трактаты скромно оставались на своих местах, не стремясь лишний раз напомнить о себе, когда я тянула из общего ряда интересующий меня справочник или словарь.

Перефразируя известное выражение, могу с достаточной степенью убежденности сказать, что сатириками не рождаются. Человек является в мир с талантами литератора и аналитика, и это, при наличии здравого смысла и чувства юмора, делает его несчастным. Доля сатирика очень тяжела, он видит суть вещей, люди для него прозрачны, как стеклянные, поступки всегда имеют начало и развитие, а слова содержат несколько смыслов. Однажды осознав свое предназначение, бедолага испытывает восторг, доходящий до ужаса, по спине и затылку пробегает рой мурашек, холодных и колючих, но ощущение заканчивается, а обреченность остается. Став сатириком, нельзя это изменить до конца своих дней. Щадите сатириков, они живут в абсолютно реальном мире, без иллюзий...

Сатира Яшина порой достигает высокого уровня философии. В рассуждениях, а чаще снах персонажей возникают образы древних богов и героев, ведущих борьбу за равновесие мироздания и выживание человечества. При этом Алексей Афанасьевич умело преломляет естественнонаучные и гуманитарные знания в собственное, полное своеобразных и оригинально сформулированных мыслей, изображение прошлого, настоящего и будущего. Литературный прием снов-откровений не является абсолютно новым, однако в интерпретации автора приобретает необычный акцент сложного переплетения ассоциаций глобальных социальных процессов с древним и современным восприятием космогонических представлений. В связи с этим побеседуем об упоминавшемся уже романе «Сны и явь полковника Хмурова», именуемого Григорием Ивановичем, и, кстати, прихватим не рассмотренный нами аспект из «Новоюрского периода».

К примеру, не только в снах яшинского героя Геннадия Красилина, но и в нашей новоломаной жизни в неистовой борьбе сошлись космогонические персонажи противоположного толка. Человечек воспринимает себя ни много, ни мало, как индивидуализированную вселенную,— почему бы и нет? Поворачиваясь с боку на бок, Геннадий словно перевоплощается в различные ипостаси древнеиндийских богов. Многозначительное, окрашенное крайним сарказмом видение! «...Сцепились два главных бога-антагониста: Вала и Вритра. Они суть раздвоенная, некогда единая личность, а теперь — враги-двойники, внешне похожие, как однояйцевые близнецы человеческих существ. Если Вала постоянно создает условия, при которых Вселенная, то есть распределенное тело и разум Геннадия, пригодна для развития разумных существ, ... то его двойник — антипод Вритра ... противодействует Вале, стремясь вывести Вселенную в неразумное состояние, ...то есть в ничто...»

В сходстве нашего мира с философской игрой воображения древних индийцев просматривается трагикомическое действие, граничащее с театральностью, однако обладающее вполне реальными свойствами. Надо сказать, многие герои Яшина способны на провидческие озарения.

Правда, полковничьи грезы проще и приземленнее мифологических Красилинских, но зато не менее актуальны. Одна из них, поименованная как «Болонский сон № 17», отличается особо жестким сарказмом: *«Собрал полковник-доцент Хмуров добровольческую армию для ликвидации Болонского процесса. И вот подходит армия волонтеров к городу Болонье. Сам полковник впереди на белом жуковском коне, в первой за ним шеренге личная лейб-гвардия: доценты Язвишин, Николай Андреевич и Яцьшен. А Григорий Иванович своим артиллерийским басом знакомит своих*

фронтовиков с диспозицией на местности: «Вот только что мы сходу форсировали реку Рено. Не Волга, конечно, но все одно река... Наша главная цель — Болонский университет, старейший в Европе, основан в XI веке, знаменитый со средних веков своей школой римского права.

Солдаты! На вас смотрят двадцать шесть столетий! Еще в шестом веке до нашей эры этот город, тогда именовавшийся Фельсиной, был столицей этрусков. Затем стал римской провинцией, а с двенадцатого века — городской коммуной.

Солдаты! При штурме города щадите древности и промышленные предприятия, иначе итальянцы и лично Берлускони нам этого не простят!»

Ох, и колюч язык Алексея Афанасьевича... А и прав же он! До каких пор мы будем обезьянничать, глядя Западу в... ну, только не в очи. Вот и вздумали мы разорить самое крепкое свое достижение — систему образования и воспитания человека. У них не было — им обидно, не без этого, они и зазудели, — даешь, мол, оболваненную молодежь и в России! Их желание понятно, а нам зачем? Мог ли знать Петр Первый, к чему спустя триста лет нас приведет его стремление равняться на Европу? Знаю, знаю, он хотел, как лучше, а на деле? Разорил самобытную, особо развивающуюся культуру, разучил инакомыслить, влил в общую струю. Конечно, то, что тогда было, тоже на упомянутый исторический момент себя изживало, но, может, действовать надо было поаккуратнее, побережнее? Кто теперь разберет? Уж очень противно видеть во многих современниках наших эту, трехвековой давности, подобострастно-завистливую любовь к чужому образу жизни. Смешная же молодежь наивно полагает, что быть космополитом ново и модно, недоросли привыкают именовать Дениса — Дэном, Лешу или Сашу — Алексом, и тому подобное... Еще забавнее и карикатурнее, когда в игру вступают люди, которым за...

Мы построили собственное здание, зачем понадобилось его взорвать? Теперь, так и не сумев возвести ничего другого, копошимся в руинах, перетаскиваем обломки с одного места на другое и воображаем, будто создаем нечто стоящее. А развалины остаются развалинами, как их не komponуй.

Полковник Хмуров, невзирая на рыцарское, можно сказать, звание, трудится у Яшина на ассенизаторской должности преподавателя. Созерцает, значит, наглядно результаты Болонского воспитательного процесса. Вздыхает, что «...нынешние студизусы... основу и смысл жизни видят в деньгах... беседуют только о том, как по окончании вуза устроиться в самое зашибательное по деньгам место». В героических снах своих воюет в Италии против *оболонивания*.

Кстати, по личному опыту знаю, как трудно убедить студента в том, что лишних знаний не бывает. Современная система борьбы с интеллектом оказалась весьма действенной.

«Болонский сон № 73. За время Болонского похода аспирант полковника Хмурова Эдька возмужал, отрастил лихие гренадерские усики, овладел артиллерийским искусством и после взятия университета, получил из рук своего командира и научного руководителя погоны подпоручика.

«Молодец Эдька, — растроганно думает полковник, — как он лихо тройным подряд попаданием разбил батарею противника на подступах к Болонскому университету?!.. Надо будет по возвращению домой упротить ректора представить Эдьку к званию «Почетный работник высшего образования»... А главное, чтобы Эдька диссер свой поскорее защитил. Хороший доцент по артиллерии получится: теоретик и практик. Главное, — чтобы не торопился с официальной женитьбой, а то молодуха мигом доведет его до торговли бананами!»

Помнится, когда я еще в школе работала, был у меня ученик, мечтал строить самолеты. Да только к его выпуску подоспело разрешение подавать документы сразу в

несколько вузов. Случилось так, что поступил он во все три: в МАИ, в МИСИ, в МВТУ. Подумал-подумал, плюнул на дорогую сердцу авиацию и пошел учиться в строительный,— дескать, в смысле денег надежнее. Вот вам и банановая торговля!

В наше эпохальное время профессия учителя, преподавателя имеет почти исключительно саркастический смысл. Интернет, телевизор, многие прочие СМИ в максимально примитивной, следовательно, легкодоступной и бесцензурной форме вдальбывают в неустойчивые мозги агрессивный эгоизм, пренебрежительное отношение к другим, единственную мечту — о денежном изобилии любой ценой. Вспомните только очень показательную рекламу, где парень бросает в воду любимую, вроде как, девушку, покусившуюся на содержимое его пакетика с чипсами! А ведь подобные «штучки» оказывают и воспитательный эффект. Припоминаю также обожаемый подростками на рубеже века сериал, в котором банда подонков небрежно, мимоходом и с легкостью убивала, грабила, насиловала, а в промежутках между этими рабочими буднями обаятельно страдала от любви по принципу «Мы тоже люди...». Словом, прививка «Бонни и Клайда» на современную почву, то есть даже неоригинально по сюжету. Монстры, играющие в людей. Результат безотказный — детки 12—15 лет все как один мечтали о карьере киллера... Кстати, чертовски красиво звучит, позаграничному-то! По сути — худший вариант убийцы, торгующего собой, подобно представительницам известной профессии.

Особенно люблю, когда в телепрограммах, посвященных криминальной хронике, подробно разъясняется технология наиболее садистских преступлений, вплоть до того, что сообщат чуть ли не адрес аптеки, где можно без рецепта купить ингредиенты взрывоопасной смеси, магазина, торгующего предметами, способными использоваться в качестве орудия преступления и т.д., и т.п. Мне всегда было любопытно,— с какой целью озвучиваются подробности, которые должны быть интересны исключительно следователям и другим криминалистам?

А затем теми же СМИ организуется травля педагогов, на которых обрушивают осуждение и недовольство результатами воспитания детей и молодежи. Итог потрясает! Учитель, преподаватель полностью дискредитирован в глазах учеников и студентов как представитель сословия, продолжающего нелепо и беспомощно, в свете вышесказанного, бормотать об устаревших и надоевших понятиях типа совесть, ум, знание и проч. Об него все, кому не лень, вытирают грязные сапоги. Над ним потешаются, что, мол, на такую работу идет лишь неудачник, неспособный зарабатывать настоящие деньги, но, если он сделает такую попытку, его гневно клеймят и требуют, чтобы не смел забывать правила той самой морали, которая давно осмеяна и упразднена,— вполне официально,— представителями всех остальных профессий. К примеру, когда на почте оплачивают квартплату, можно понять начисление процентов за услугу, у почты иные функции. А на каком таком основании банки поступают также, ведь это их прямая обязанность? Но финансист, взимая мзду, всегда прав, а педагогу — «низзя...» и «айяйяй». Нет, я не призываю разрешить педагогам обирать детей и родителей, хочу только слегка реанимировать небольшую проблемку двойственного взгляда общества на простое и ясное понятие воровства и осторожно намекнуть, что никогда, при любом социальном строе, учебные заведения не были единолично ответственны за воспитание подрастающего поколения. Если раку и щуке НАДО тащить молодежь в омут разврата, дикости и тупости, то бедный лебедь не сможет этому противостоять, и бессмысленно швырять в него комья грязи.

А сатирик Яшин не дремлет и остроумно сообщает, что «...в числе нескольких новообразованных отделов... появилась служба *менеджмента качества обучения*. Назначение ее пока не совсем ясно...» И верно — сколько у нас возникает контор, каковым совершенно нечем заняться, кроме получения жалованья. По этому поводу

полковник Хмуров сообщил коллегам: «А мне сегодня сон о землетрясении в Болонье приснился, весь город провалился в тартарары. Вместе с университетом и Болонским процессом...» В результате «меня томит и сна лишает» наша неискоренимая навязчивая идея благоговейно подбирать любой мусор, выпавший из чужеземного кармана, — ЕГЭ и тому подобное.

Я о том, что некоторые... гм... нововведения в таком важнейшем деле, как обучение и воспитание, способны только загромождать процесс и препятствовать его нормальному течению. Тем более, когда речь идет о самосовершенствовании преподавателей. Вот неотразимо убедительный пример: *«Получилось так, что к Геннадию Сергеевичу (Язвишину — уточнение Н. Квасниковой) главная менеджментерша заглянула в его кабинетик — такая... привилегия у преподавателей медико-физкультурного факультета имела: ...небольшие кабинеты, обычно на двоих...»*

Доцент-патриот, свободный в этот день от упражнений со студентами, полдня мучился над своим очередным трактатом — доказывал мудреную, им же выдуманную теорему по биофизике. К часу пополудни его осенило, доказательство теоремы ярким прожекторным лучом осветилось в голове. Боясь потерять, забыть этот абрис, Геннадий Сергеевич со стенографической скоростью списывал со своих мозгов доказательство... В обычно приоткрытую дверь его кабинетика... решительно вошла ретивая по виду бабенка средних лет... — Я из менеджмента качества... ..Донельзя взбеженный вторжением, тотчас выветрившим из головы окончание доказательства теоремы, доцент-патриот резко развернулся на своем кресле с колесиками, уставившись на вошедшую: — Мадам! Я по-американски не понимаю! Будьте так любезны, сделайте традюксьон на русский разговорный!..»

Ох, и раздражает, по правде сказать, эта чехарда с импортными словечками! Бесконечно прав Язвишин, — а прежде всего, конечно, создатель его Яшин, — потешаясь над новой одной привычкой коверкать свою речь чужеродными вставками. То-то благодать инопланетянам с других континентов, давно, наверное, приезжая к нам, чувствуют себя, как дома, в результате чего мы забываем, что сами не в гостях...

Болонский процесс, а с ним и наша образовательная чудо-реформа привела к искреннему убеждению обучающегося юношества в достаточности для жизни крохотного, узкоспециального объема знаний и навыков. Я погрешила бы против здравого смысла, утверждая, будто при данных условиях индивид не сможет прокормить себя и семейство. Однако, положив руку на сердце, спрошу — какой смысл родиться человеком, чтобы, к примеру, уметь только есть, пить, спать и водить автобус (или ловко продавать просроченные лекарства)? Бывший министр образования Фурсенко честно сообщил, мол, новому обществу не нужны люди-творцы, и нынче модно растить паразита-потребителя. За правду, как издревле повелось, и пострадал — был незамедлительно снят с занимаемого поста. Долго унывать, впрочем, бедолаге не пришлось... При всем том курс на массовую атрофию интеллекта, взятый упомянутым чиновником, не изменился ни на йоту. Вот и воюет в одиноком энтузиазме неутомимый рыцарь-полковник Хмуров, подобный средневековому Дон Кихоту, со всем Болонским процессом, поглотившим столько континентов, не говоря уже о городах и весях.

Долго размышляла я над перипетиями образования в нашей стране и пришла к неутешительным выводам. Очевидно, что развитие его идет не по спирали, а по самой крутой синусоиде, и в Час Волка стремительно приближается к отрицательному противофазному максимуму. А теперь заглянем-ка в очередной героический сон храброго воеводы.

«...В короткую передышку между боями... полковник Хмуров, прислонив шпагу к уцелевшему в бою маленькому деревцу, раскрыл блокнот-планишет с трехцветными картами Болоньи и ее окрестностей, но задумался, лег на спину, рассматривая безоблачное небо над Северной Италией.

...Дерево, шага и книга, хотя бы и атлас карт,— как это все символично, даже применительно к университетской жизни. Чудом уцелевшее дерево — то малочисленное юношество, что искренне жаждет приобретения знаний, символом которых является раскрытая книга. А шага? — Это все те препятствия на пути такого юноши: профессора, от низкого жалованья неаккуратно, с отвращением бормочущие свои доуки-лекции; вузовская администрация, видящая в студентах не людей, но только источник внебюджетного финансирования университета; полное отсутствие перспектив применения полученных знаний после окончания обучения. Но главный меч, карающий невинных в жизни юношей,— это зараза Болонского процесса с его ущербным бакалавриатом, никому не нужной магистратурой, балльным крохоборством...— Вперед, ребята,— вскочил на ноги Хмуров,— на университет!»

К сожалению, сны — снами, и всегда с нами, но реальность жестко отрезвляет, вынуждая приспособляться к виражам любой крутизны, соответствующей мозговым извилинам очередных министров, которые, несмотря на частые смены, продолжают гнуть одну линию оболонивания молодежи. Мечта о широком кругозоре масс канула в туман, довольно холодный и скользкий. Идея о том, что обществом болванов управлять легко, стара, как мир, но хотелось бы напомнить ее усердным приверженцам, до какой степени она несостоятельна. Раззадорить подобную толпу не особо сложно, а остановить, когда потребуется... Каким могучим должен быть интеллект, способный понимать, что одновременный расцвет социума и каждого человека в нем заключается только в выполнении единственного условия — всестороннем развитии индивидов, составляющих общество! Ни в коем случае я не претендую на новизну данного утверждения, однако настаиваю на его разумности и правильности. Вместо того, чтобы некоей жадной и богатой группе лиц жить в вечном страхе среди множества искусственно развращенных дураков, окружая себя охраной сомнительной степени надежности, не лучше ли создать, для себя и для других, мир здравомыслящих, творческих и непуганых личностей? Не придется тогда никому вопить: — Караул, астероиды! Метеориты! Все проблемы вполне преодолимы, если ими заниматься всерьез и без лишней паники, нагнетаемой СМИ. А главное, уважаемые, не придется тратить деньги на постройку абсолютно бесполезных — вы уж нам с Яшиным, как природным физикам, поверьте,— Ноевых ковчегов, плавучих супердомиков и бронированных подвалов. От космических катастроф можно откупиться исключительно наукой, развитой в планетарном масштабе, а не обклеиваясь бумажненькими купюрками, хотя бы и достоинством в миллионы фунтов стерлингов-евро. Впрочем, какое у денег может быть достоинство? Фикция одна.

ГЛАВА 6. ПОЧТИ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ

*В голове моей тучи безумных идей —
Нет на свете преград для талантов!*

В. Высоцкий

— Штрафную! Налейте, полковник, штрафную профессору Старосельцеву, виновному в опоздании на нашу дружескую, скромную ассамблею! Проходите, дорогой Олег Васильевич, Ваше уютное кресло в форме подводной лодки давно ждет Вас! Как и все мы, впрочем!

Среднестатистическая мечта индивида способна принимать любые, иногда причудливые формы, а осуществление часто зависит от упорства, с которой человек продвигается к своей цели. Случается, однако, что результат оказывается настолько далеким от первоначального замысла, насколько велики препятствия, мешающие его

реализации. Главное, пожалуй, суметь узнать в воплотившейся идее, сквозь метаморфозы и трансформации, тот самый образ, явившийся однажды в «магическом кристалле» интеллектуального озарения. В наше время актуальность вышесказанного имеет особую остроту, поэтому роман Яшина «Подводная лодка «Капитан Старосельцев» дает возможность осмыслить и проанализировать различные перипетии подобного рода превращений.

Какие же барьеры встают на пути личности, не лишенной талантов и, кроме того, пережитков советского восприятия нынешней кривозеркальной действительности? «Еще пять лет назад, перед самой сменой веков и тысячелетий, когда Старосельцев начал с энтузиазмом стучаться лбом о дубовые двери инстанций, он наивно полагал, что кому-то и что-то нужно... кроме долларов, евро, на худой конец — рублей (но только мешками из-под картошки)...

...После сокрушительных первых неудач профессор даже слегка запил, но властная жена и врожденная крестьянская скуповатость быстро это дело пресекли...»

Кстати, не могу удержаться, в связи с остаточным поэтическим зудом, чтобы не процитировать, к слову, соответствующие собственные стихи:

*Есть сказка о горе стеклянной...
Как все, изранив душу в кровь,
Я каждой жиллой, каждой раной
Стремлюсь к вершине вновь и вновь...
Но — кем поставлены преграды
На нашем жизненном пути?
Каким еще упиться ядом
Придется прежде, чем дойти?
В одном неистовом порыве,
Упорным стиснутая злом,
Настаиваю на прорыве
В борьбе с безжалостным стеклом.*

Такая ситуация захватила в плен и Старосельцева. Однако «...признания чего так тщетно искал, временами впадая в философскую депрессию, наш профессор?..» Ни больше, ни меньше, а открыл Олег Васильевич электромагнитный способ излечения людей от СПИД'а! Обнаружив, что чиновничья братва... то есть, я хотела сказать, — братия — внезапно застрадала неизлечимой глухотой ко всему, что к ней лично не относится, сделал бедный гений крутой вираж и переключился на медицинский бизнес вместо лелеемого в пылком воображении спасении человечества. «Проявить патриотизм и передать в собственность государства? — Профессор Старосельцев от души расхохотался, даже напугав супругу... Государству? — Но какому? Бандитско-воровскому?.. Здесь и говорить не о чем; ...не только в течение суток продадут, но и самого изобретателя на всякий случай кокнут...» А далее, откинув соображения возвышенного порядка, перешел бедолага на низший уровень, как выпустивший пар (то бишь избыточную энергию) электрон, да и занялся лечением криминальных граждан нетрадиционной ориентации, имея в виду упрощенную финансово-добывающую цель. При таком раскладе немедленно сыскались у него и поделщики... единомышленники, значит...

Однако честному, старорежимной советской закваски читателю, не следует спешить проникаться несокрушимым презрением к оригинальному герою сатирико-фантастического романа. Идейность не совсем покинула его почти незапятнанную душу. «...Далеких задач для себя профессор Старосельцев не ставил. Для начала ему

был нужен миллиард долларов... чтобы заказать на северо-двинском Севмашпредприятии...» атомную подводную лодку, имеющую на борту ракеты с ядерными боеголовками,— «и подарить Северному флоту взамен погибшего несколько лет назад «Курска»... Хотелось бы также, истины ради, уточнить: владели им побуждения не исключительно патриотические, но, кроме них, обуревало некоторое стремление назвать упомянутый будущий корабль «Капитан Старосельцев», в соответствии с собственным сухопутным званием офицера запаса, «...кстати, никогда не служившего...».

Ничего не поделаешь, живем среди волков, мыслим и действуем по-волчьи, а если этим пренебречь, съедят и не поморщатся. Для отдыха и разрядки можно создать — как многие мои знакомые,— тихие замкнутые уголки в виде квартир, куда почти нет доступа извне, разве лишь самым близким и проверенным, с кем и по сей день доедается очередной пуд соли. Выживаемость подобных индивидов в трудные времена зависит не от финансового благополучия, но от двух необходимых условий: наличия всепоглощающего интереса к чему-либо и уютного тыла, где таковой интерес господствует. Нашему другу Старосельцеву невероятно повезло — он обрел и то, и другое, да в придачу деньги — необязательное, однако, в очерчиваемый Яшиным и мной период,— очень важное, удобное и приятное дополнение. «...Итак, дорогой ... профессор, Вы вступаете на тернистый путь... именно ты, Олег свет Васильевич... И путь ты этот будешь творить не один; сам понимаешь, супермены — порождение западного индивидуализма и сверхэгоизма — только в дешевых боевиках проживают. А попутчиками твоими будут как чистые, так и нечистые — в необходимой для дела пропорции, так, чтобы плюс на минус в итоге давал арифметический ноль, то есть ноль вреда и максимум пользы... Это к чему я говорю? — А к тому, дорогой мой, что люди в коллективе, с одной стороны, должны быть абсолютно дисциплинированными, с другой — не бараны, идущие то за одним, то за другим вожаком...»

Сказано же сие, на мой взгляд, как раз о политике недалековидной переделки личностей в стадо, которое бывает очень неподручно пасти. Агрессивный болван, да еще в толпе, может оказаться менее управляем, чем объевшийся белены бык. Я бы советовала не забывать о судьбе Шер-Хана в сказке Киплинга — отнюдь не глупое предостережение.

В эпоху царства абсурда и отсутствия здравого смысла правительства государств с многовековой историей вдохновляются на изумительные подвиги во имя уничтожения собственного народа — имеется в виду, к примеру, Англия, где узаконили однополые браки и дали разрешение таким, с позволения сказать, семьям, усыновлять детей, девяносто процентов которых вырастут с изувеченной ориентацией, беря за образец то, что у них постоянно маячило перед глазами. Франция тоже, слышно, не желает отставать. В результате через пару поколений усыновлять будет некого, разве растить младенцев искусственно, в пробирках и колбочках. А так как «Всемирная организация здравоохранения в своих документах прямо рубит: гомосексуализм, как и лесбиянство, является тяжелой формой шизофрении...», то, начиная с упомянутых стран, затем, с эффектом обезьянничанья, весь мир превратится в большой космический сумасшедший дом, куда не только инопланетян, но и психически нормальные души покойных предков наших для дальнейшей реинкарнации не заманишь. Вымерем, ребята, без проблем и атомной войны. В чем здесь «великая сермяжная правда», хотелось бы убогим умишком своим уяснить.

Завершение истории профессора Старосельцева фантастично не менее ее начала. «В дверь вежливо постучали, что было нехарактерным для кафедральных сотрудников, а затем вошли два человека (?) ... в добротных зимних кожаных пальто, с изящными «дипломатами» в руках. Но белые шелковые кашне, тонкие перчатки, а главное,— джентльменские шляпы — насторожили и заинтересовали профессора...—

Добрый день, Олег Васильевич. Извините нас с коллегой за приход без предварительного звонка и вообще без позволения. Дело того стоит... Полагаю, Вы четко представляете: мы давно умеем излечивать СПИД; до одного из эффективных способов этого Вы дошли своим умом... Но сейчас и в обозримом будущем правителям мира нужно, чтобы эта болезнь оставалась неизлечимой. Мы в Вашем присутствии уничтожим аппаратуру... Все сотрудники, кроме Вас, забудут, какую болезнь они столь успешно лечили... Вы же все будете помнить — кроме биофизических параметров лечения... Не огорчайтесь...»

Впрочем, снисходительные правители мира сообразовали утешить Старосельцева торжественной церемонией спуска на воду поименованной подводной лодки, к тому еще осчастливив профессора присвоением реального «звания капитана первого ранга с правом ношения мундира в запасе, а далее и в отставке». — Кушайте, благополучнейший Олег Васильевич, берите семгу и расстегайчики, нельзя же без закуски!..

ГЛАВА 7. О БУКВЕ «Ё» И НЕ ТОЛЬКО

*Больно. Тяжко. Бестолково.
Все бывшее рушат, губят.
И. Северянин*

А теперь, когда мы за столом радушного хозяина, Алексея Афанасьевича, в достаточной степени угостились... ммм... крепким чайком, я набралась смелости для спора. Возьмем, к примеру, странную и въедливую букву Ё. Честное имя невезучего символа находится под сомнением с девяностых годов прошлого века. Алексей Афанасьевич также настроен против этой буквы. «Почему уже почти два столетия ее положение в ... алфавите ... несколько двусмысленно?»

На мой *несовершенный* взгляд, революция (в худшем смысле слова), *совершенная* за последние двадцать с гаком лет во всех областях жизни, и без того изрядно покалечила русскую речь. Разберем несложную фразу: «Мы передохнём от наших трудов». С буквой «ё» в ней нет ничего особенного, мол, люди в отпуск собираются. Уберем две пресловутые точки — и получим несколько грубое выражение с фатальным концом.

Еще пример: одна из книг Алексея Афанасьевича — «Тяжёло дышит синий норд». Острое фонетическое чутье не подвело автора: в названии физически ощущается натужность и суровость северного ветра, кроме того, оно содержит ритм поэтической строки, что придает ему гармоничность и речевое обаяние. Все эти качества — дары буквы «ё». Сотрем точки — останется довольно корявая фраза, лишенная всех вышеуказанных преимуществ.

А еще: «объём фигуры» или «объем фигуры» — при условии, конечно, что они покрыты шоколадной глазурью.

Мой вывод: символ «ё» реально существует в нашем языке, пусть даже его ключевое значение не всегда прорывается столь отчетливо, как в приведенных здесь примерах.

Можно вернуть для обозначения этой фонемы ранее использовавшееся сочетание «іо», но стоит ли?

Кроме того, если «англичане за две тысячи лет ни одной буковки в своем алфавите не поменяли», то почему ж мы вечно сомневаемся в безусловной ценности нашего собственного культурно-интеллектуального достояния?

В вопросе о засилье иностранных слов и тюремного жаргона, а также нецензурицины, режущей всякий здоровый слух, я безоговорочно согласна с героем моего очерка Алексеем Афанасьевичем. Когда в рекламе — и не только — среди родной

кириллицы ни с того, ни с сего змеятся латинские «S» или колюче торчат «N», едва ли это зрелище делает товар более привлекательным для потребителя. Однако оно способствует усилению дисгармонии в сознании и без того не твердого в знаниях молодого индивида, тщательно «оболоненного» образовательными реформами. Довольно большой процент учащихся уже и пишет, смешивая алфавитные символы, но вовсе не потому, что обладает избыточным словарным запасом.

Сарказм — смех, граничащий с гневом. У русской речи сейчас бед невпроворот. Мало нам чужеземных букв и слов,— одолели поганые и мусорные: «...блатная фея ...чудовищно быстро стала общегражданским языком, усилившись большим набором вроде бы самых обычных слов, но с совершенно иным семантическим содержанием. И добрый наш народ эту семантику вмиг освоил! ...Произнесите вслух в людном месте... крыша, ...стрелка, ...зеленый, деревянный, откат, наезд, счетчик, ...рубить капусту...— и проследите за реакцией окружающих». Смешно — до жути! — как многие молодые ребята затрудняются быстро перевести подобные перекаленные слова на «великий и могучий»! На зону мы их, что ли, заранее целенаправленно готовим?

Не могу представить, сколько лет (или веков?) должно пройти прежде, чем из этого навоза прорастут свежие цветы. Хотелось бы еще успеть пройтись по солнечной улице, дотянув хоть как-нибудь до времени, когда люди снова и уже навсегда «поймут, что не в деньгах счастье, но в служении... человечеству, в личном самосовершенствовании».

В ожидании тех счастливых перемен — дорогу сатирикам!

ГЛАВА 8. ФИЛОСОФСКАЯ

Настал черед наиболее привлекательной для меня книги Яшина «Художественная эвристика». Автор предпринимает основательную и, на мой взгляд, успешную попытку проникнуть в секреты творческого познания и восприятия человеком всего происходящего с ним в процессе жизни, а также осмысления возможностей воспроизведения субъективных ощущений через доступные данному индивиду средства. Для одного это слово, для другого — музыка, физика или математика, третий использует кисти и краски, фотоаппарат и даже целый комплекс упомянутых инструментов. Очевидно, что все мы оцениваем явления окружающего мира, исходя из понятий привычного, определяемого нами как стандартная реальность, и необычного, о чем сами делаем выводы в зависимости от прежнего личного опыта и степени развития собственного интеллекта. «...Древние пугались, когда в чем-то нарушался спокойный статичный мир, как малые дети или очень старые люди пугаются резких изменений в... жизни, дети — перемен в наборе окружающих, родительских неурядиц, старики — угрозы потери уюта, ...стабильности быта...». С предками нашими, впрочем, более или менее ясно, независимо от личностного возраста они крайне молоды знанием своим и духом, объемом генетической памяти, а меня занимают причины незрелости среднестатистического человека в эпоху нынешнюю. Казалось бы, люди, цивилизация которых додумалась до осуществления полетов, в том числе космических, по определению должны сплошь стать творческими личностями, с легкостью поигрывать интеллектуальной мускулатурой и, соответственно, исключить из среды обитания агрессию по отношению к себе подобным, особенно — после наглядных и чудовищных уроков Второй мировой войны. Наивные победители были убеждены в том, что так и случится. К тому же они верили в благодарность, не задумываясь над фактом зависти, в том числе национальной, использующей творческое мышление для созидания удобных подменных философий.

«Восприятие... человека есть отражение в сознании реального мира в непосредственной целостности и в совокупности его качеств и свойств. Как всякое отражение,

восприятие есть приспособительная реакция на обратимые или необратимые изменения условий существования субъекта».

Однажды спасенные народы залечили раны и вспомнили, неловко поеживаясь, что их вклад в общую Победу оказался чисто символическим. Неприятное чувство! Нашлись и те, кто подначивал, поддакивал и подвизгивал в тему. Началось недовольство собой, которое естественным образом переросло в раздражение против спасителей. Легче забыть о долге благодарности, чем постоянно чувствовать его нарастающую тяжесть. Отсюда всеобщий всплеск нелюбви к России. «...Таким ...образом в практике ощущений... органы восприятия самоподстраиваются под особенности тех ощущений, которые субъекту познания ... желательно выделять среди хаоса ощущений».

Творчество присуще не только отдельным индивидам, но и целым народам, которым оно полезно для политического престижа.

Строго говоря, клевета — тоже творчество, она способна создать новый образ, и в него начинают верить, как в дым, невозможный без огня, — хотя за дым иногда легко принять и туман.

Зачем нам искусство? — возникает вопрос, ведь существуют общности людей, в жизни которых практически отсутствуют искусства, литература (кроме одной-двух религиозных книг), музыка... «Чувственное познание древности было проиллюстрировано рядом мифов: героических и авантурных эпосов, психологических, мировоззренчески-познавательных». Это значит, что первоначально искусство возникает как способ осмысления явлений окружающего мира, то есть как средство познания. Необходимость же последнего не решится отрицать никто. «Замечено, что каждая... наука... накапливает знания неравномерно... Причем цепочки всех наук... тянутся издалека, от одного общего корня: первичных представлений о мире, первых, неорганизованных проблесков абстрактной мысли... ..В древности, когда человек жил более восприимчив, нежели представлением об окружающем... мире, его отношение к этому миру было наивным, детским, а значит, в массе своей — художественным, ибо один из основных критериев художественного отношения к миру — определенная ипостась «детскости». ...В таких условиях возник миф — начальное художественное восприятие мира вещей, природных явлений, животных, человека и связей между ними». Напрашивается вывод, хоть и не бесспорный — из искусства рождается творческая научная идея. Первично — воображаемый летающий ковер, затем многоместный авиалайнер. Кстати, — иметь крылья человечеству хотелось издревле, самое, пожалуй, неутолимое желание разума. Немаловажно и подчеркнуть при этом, что всякий процесс создания нового и в науке, и в любом виде искусства сопровождается ощущением, подобным полету. Не зря его именуют вдохновением, хотя по большей части оно представляет собой стремление к труду и радость от полученного результата.

Без интуиции и ассоциации, утверждает Яшин, и здесь я с ним полностью согласна, творчество невозможно. «Всякая материя должна быть одетой в форму; материя дает ощущения, форма ее — интуицию. С интуицией связано понятие ассоциации».

Названные понятия, несомненно, субъективны и зависят от личного опыта. Но есть в том один существенный нюанс — каким бы индивид талантливым ни был, он всегда субъективно-объективен, опираясь на общеисторический и общегенетический опыт человечества. «Легенды, былины, мифы, поверья — их сюжеты, тропы народной поэтики, речь наших предков, — все чудесным образом воссоздается в каждом поколении. Можно говорить о феномене «возрождающейся национальной памяти». Однако, национальная память — явление творческое и гибкое, равно как и развивающееся. Именно из нее, как бы там ни было, вырастает любое произведение искусства. Истоки научного творчества не столь очевидны, хотя трудно представить, что в какой-либо интеллектуальной деятельности возможно обойтись без национальной памяти.

ГЛАВА 9. ЗАВЕРШАЮЩАЯ

— Что ж, друзья, как уже многократно было сказано до нас,— хорошо сидим! Послушаешь, как социологи по телевизору соловьем заливаются, забрызгивая от восторга камеру слюной и перечисляя, сколько процентов якобы опрошенного люда сообщают приставучим корреспондентам на улицах, будто «жить стало лучше, жить стало веселее»,— и доверчивую душу охватывает возмущение: как можно усомниться в нынешнем благолепии! Сидит бомж на автобусной остановке, ковыряет струп на коленке — да кто тебе смотреть на это велит? Отвернись и лезь в транспорт, езжай по своим делам, пока рядом не сел! Некие граждане обживают твою квартиру, размахивая мятой бумагой и крича, что твой давно покойный папа продал им половину площади, а суд разводит руками, сообщая,— да, эксперт признает, мол, подпись умершего фальшивая, но сделать ничего нельзя. Потеснись, да и живи с соседями — еще ведь не выгоняют. Очередная пенсионерка скончалась от инфаркта, получив квитанцию о начисленной квартплате за прошлый месяц,— подумаешь, отдала бы похоронные — дотянула бы до следующей! Не умеет наш народ радоваться каждому дню! Ничего, научим. А то сатирик Яшин уверяет, что настало время «Квадратной пустоты»...

Алексей Афанасьевич из поколения людей, у которых имеется универсальный опыт. Если они о чем-либо говорят, стоит прислушаться — смена эпох произошла у них перед глазами.

Яшин-физик способен к аналитическому мышлению, Яшин-писатель наблюдателен, Яшин-североморец зорек. Симптомы сатирика. Его литературный язык ассоциативно напоминает мне россыпь крупной соли, сверкающей под лучами зимнего солнца, резкой и едкой на вкус. В большинстве случаев аргументация, приводимая им в процессе развития сатирического сюжета, представляется неотразимой. Северное детство сделало Яшина целеустремленным и упорным,— иначе как бы выжил в оледеневшей атмосфере нашей сегодняшней действительности созданный и выпестованный им журнал, уже упомянутые ранее «Приокские зори»? Быть главным редактором — труд нелегкий, особенно во времена интеллектуального кризиса, когда не одна Россия, а уже весь мир стремительно зарастает репьем бездуховности,— и пусть простит меня за метафору уважаемое мной растение, но я, грешная, люблю здоровое разнообразие, как в природе, так и в душах людей.

Хорошо, что иногда неуязвимые вечные ценности предоставляют Алексею Афанасьевичу возможность отдохнуть от сарказма и иронии. Как-то в полупрозрачном трамвае он замечает женщину — такую, какими хотелось бы видеть всех людей на свете. «...Она смотрела на свое колечко, поднося руку к самым глазам, это лицо струилось нежностью, счастьем, непонятными никому, кроме ее самой. А может, доподлинно и ей непонятными?.. Но чувствовалось и ею, и мною, и всяким, кто бы взглянул на это лицо,— отражение ее преисполненной нежностью, спокойствием, точнее, великим внутренним покоем души — что она подлинно, не надуманно счастлива...» (рассказ «Гармония»). Подобные встречи оставляют долгую улыбку на губах и пушистое тепло на сердце не только измученного кривдами сатирика, но даже утомленного дневными трудами бюджетного работника.

* * *

Гости расходятся. Не забудьте надеть шляпу, Николай Андреевич! Капитан Старосельцев, вот Ваш именной кортик. Спасибо за гостеприимство, Алексей Афанасьевич! Тула сияет всей своей вечерней иллюминацией.

